

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПОСМЕРТНАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОХВАЛА ПРАВИТЕЛЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ОСНОВАНИИ ВЫВОДОВ А.А. ШАХМАТОВА В ИЗУЧЕНИИ ЛЕТОПИСЕЙ)

Данная статья посвящена изучению такого отдельного историко-литературного жанра как летописная *похвала* правителю. На протяжении XI-XVI вв. летописная похвала была весьма распространенным приемом средневековых книжников. Сравнивая похвалы разных русских летописей и разных исторических периодов, автор доказывает, что летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, отражала хорошую осведомленность летописца, его симпатии и антипатии, в XII в. приобрела готовый вид – литературную форму. Ранние похвалы (XI-XIII вв.) верно отражали историческую действительность, содержали *индивидуальные* черты правителя, менялись в зависимости от исторических условий, что повышает их ценность как исторического источника. Выяснялось также наличие двух основных *форм* похвалы – южной и северной; первая форма была распространена в Киевской и Галицко-Волынской Руси, вторая – в Суздальской. Различие между ними в том, что южная похвала имела светский характер, а северная – церковный; южная похвала ограничивалась местными интересами, а северная – имела всемирно-исторический масштаб. В целом похвала может быть рассмотрена как отдельный летописный средневековый жанр, отличающийся особыми сюжетными и стилистическими признаками.

Ключевые слова: похвала, правитель, князь, летописец, посмертная характеристика, литературная форма, А.А. Шахматов, Никон-летописец, киевская летопись, галицко-волынская летопись, татарское нашествие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-70-82

Похвала правителю – весьма распространенный литературный прием средневековых книжников. Она присутствует в летописях, житиях, сказаниях. При этом историки редко обращали на нее внимания. Как отдельный жанр средневекового письма похвала никогда не рассматривалась, не подвергалась исторической критике. Между тем, решение этой задачи позволит выявить закономерности в развитии *похвалы* как отдельного историко-литературного средневекового жанра и дать ей оценку как историческому источнику.

Для изучения летописных похвал русским князьям-правителям были использованы русские летописи, как старейшие (Лаврентьевская, Новгородская первая младшего извода, Ипатьевская), так и более поздние (Симеоновская, Рогожский летописец, Московский летописный свод конца XV в. и др.). Была привлечена к исследованию и Степенная книга как литературный памятник XVI в.

Похвала могла быть разной: прижизненной или посмертной, летописной или церковной. Княгине Ольге за ее мудрость в летописи воздана церковная

похвала. Князю Святославу за его воинскую доблесть летописец воздал прижизненную летописную похвалу. Известна церковная похвала митрополита Илариона князю Владимиру Святославичу. В нашем исследовании были рассмотрены только посмертные летописные похвалы правителям.

В 1015 г. скончался князь Владимир Святославич. Узнав об этом, «люди, сошлись без числа и плакали по нем, бояре аки заступника земли их, убогие аки заступника и кормителя; и вложили его в гроб мраморный, спрятали тело его с плачем великим». Сразу же после этого известия в летописи читается похвала Владимиру: «Сей же есть новый Константин великого Рима, иже крестился сам и людей своих крестил: и так сей створил подобно ему» [1, с. 90]. Далее в летописи идет длинное рассуждение о пользе крещения и покаяния, которое, как доказал А.А. Шахматов, является поздней вставкой из жития князя [2, с. 42, 389]. После этой вставки речь вновь о князе Владимире: «Сего в памяти держат русские люди, поминая святое крещение и прославляя Бога в молитвах, песнях и псалмах». В Лаврентьевской летописи к этому прибавлены слова восхищения князем: «Дивно же есть, сколько добра створил Русской земле, крестив ее» [3, с. 128]. Такова посмертная летописная похвала князю Владимиру – она кратка, характеризует князя только как *крестителя* Руси, оставляя в забвении другие его *христианские* и светские добродетели.

Чтобы понять краткость и однообразие этой похвалы, необходимо учитывать, что известия о княжении Владимира, как доказал А.А. Шахматов,

были внесены в летопись на основании *устного* предания – народных песен, былин, прозаических рассказов [2, с. 464, 485]. Летописец хорошо знал народные легенды, которые связывали имя князя Владимира не только с крещением Руси: «Едва ли не главною заслугою Владимира в глазах русских людей, - заметил А.А. Шахматов, - было объединению им под своею властью всех восточнославянских племен: народное предание приписывало ему покорение вятичей, радимичей, хорватов; им же покорена Ятвяжская земля. Все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые рано стали переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так о покорении вятичей другие народные предания говорили, как о деле Святослава» [2, с. 484]. И летописец последовал этому последнему преданию, внося в летопись под 966 г. известие о победе Святослава над вятичами [3, с. 64]. Поэтому, составляя в 1039 г. похвальное слово князю Владимиру, он не решился вновь следовать народному преданию и противоречить самому себе. Летописец поступил осторожно – он воздал Владимиру *краткую* и малосодержательную похвалу.

Сын Владимира – Ярослав посмертной похвалы не удостоился. Причина этого кроется не в том, что Ярослав в глазах летописца не заслужил похвалы, а в другом.

В 1039 г., как выяснил А.А. Шахматов, был составлен первый киевский летописный свод. Его составление было связано с постройкой и освящением киевского Софийского собора. Свод заканчивался известием об этом

события, после которого следовала похвала Ярославу, в которой князь прославлялся как просветитель Руси: «И при сем начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы начали множиться, и монастыри начали быть. И Ярослав любил церковные уставы, попов любил повелику, излиха же черноризцев, и книгам прилежал, почитая их часто в ночи и в дни; и собрал писцов многих, и переложили от Грек на Словенское письмо, и списали книги многие и списки, ими же, поучаясь верные люди, наслаждаются ученьем божественным». Далее идет пространное рассуждение на тему «Велика бывает польза от ученья книжного», после – вновь речь о Ярославе: «Ярослав же сей, якоже сказали, любил книги и, много написав, положил в святой Софии церкви, которую сам создал; украсил ее золотом и серебром и сосудами церковными. И иные церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая им от имени своего урок, вели им учить людей. И умножились пресвитеры и люди христианские. Радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских» [3, с. 148-149].

Видим, что похвала Ярославу, не являясь *посмертной*, является, однако намного пространнее похвалы его отцу – князю Владимиру. Летописец отметил в ней *действительные* черты правления князя – широкое строительство церквей и монастырей, создание при них скрипториев, где переводились и переписывались книги. Всё это говорит о том, что, воздавая похвалу Ярославу, летописец был весьма осведомлен о его княжении; если принять

вывод А.А. Шахматова о создании первого летописного свода в Киеве в 1039 г., то он был его современником.

Тот же А.А. Шахматов выяснил, что продолжателем киевского свода 1039 г. был в 1072-1073 г. игумен Печерского монастыря Никон [2, с. 423], один из самых образованнейших людей своего времени: «великий Никон» - так называли его современники за его знания, ум, начитанность. Никон, приступая к своей работе, имел в руках первый киевский летописный свод, составленный при Софийском соборе. Он его прочел и, конечно, заметил, что оканчивался свод похвалой Ярославу. Продолжив свод и доведя его до 1054 г., года смерти Ярослава, Никон, естественно, не стал воздавать ему новую похвалу. Он лишь заметил, что после смерти Ярослава «плакали по нем Всеволод и все люди» [1, с. 114]. Так Ярослав не удостоился *посмертной* похвалы – по причине чисто технической.

Никон, редактируя киевский свод 1039 г. и продолжив его, стал автором первых посмертных похвал русским князьям, в которых содержалась их *личная характеристика*. Первой такой похвалой была похвала тмутараканскому князю Мстиславу, скончавшемуся в 1036 г.: «Был Мстислав деibel телом, чермен лицом, велик очами, храбр на рати, и милостив, любил дружину повелику, а имения не щадил, ни питья, ни ядения не браняше» [1, с. 105].

Другой тмутараканский князь – Ростислав брал дань у касогов и в иных странах, и «сего убоялись греки», послали котопана, и тот в 1066 г. отравил Ростислава. «Был же Ростислав муж добр на рать, возрастом же леп и красен лицом, милостив убогим»

[1, с. 117].

В 1078 г. в Заволочье чудью был убит новгородский князь Глеб Святославич. «Был Глеб милостив на убогих и страннолюбив, тщание имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен» [1, с. 140]. Заметим, что Глеб княжил в 1054-1064 гг. в Тмутаракани.

Все эти похвалы-характеристики принадлежат перу Никона [2, с. 439]. Нетрудно заметить их похожесть, литературную близость. Также нетрудно заметить, что они возданы *Тмутараканским* князьям. Чем объяснить внимание Никона-летописца к этому далекому княжеству, затерянному на окраине русского мира?

А.А. Шахматов обратил внимание на то, что Никон отправился в 1064 г. в Тмутаракань и основал там монастырь. Он хорошо знал тмутараканских князей Ростислава и Глеба и события, разыгравшиеся в Тмутаракани в 1064-1067 гг., был «живой свидетель этих событий, присутствовавший при всех них и, очевидно, принимавший деятельное участие в жизни Тмутаракани» [2, с. 423]. Там же, в Тмутаракани, Никон мог расспросить о первом Тмутараканском князе – знаменитом Мстиславе Лютом, как запомнила его народная легенда. В 1067 г. Никон вернулся в Киев, а в 1074 г. он еще раз виделся с князем Глебом, который пришел в Печерский монастырь проститься с умиравшим игуменом Феодосием [1, с. 131-132].

Таким образом, Никон был хорошо осведомлен о событиях, о которых сказал в летописи, о князьях, которым воздал посмертные похвалы. Он продолжил летописный свод и внес в

него известия, начиная с 1039 г. и заканчивая 70-ми годами.

Под 1078 г. в летописи содержится похвала киевскому князю Изяславу, скончавшемуся в том году в междоусобной брани: «Был же Изяслав муж взором красен, и телом велик, незлобив нравом, кривого ненавидел, любил правду, не было в нем лести, но прост был умом, не отвечал злом на зло» [3, с. 196]. Судя по литературным выражениям и синтаксису, эта похвала также принадлежит «великому Никону».

Однако, другой киевский князь – Святослав не удостоился похвалы от Никона, т.к. с этим князем у игумена были непростые отношения – Никон порицал Святослава за неправомерное отнятие киевского стола у старшего брата Изяслава. В 1088 г. Никон скончался. Похвалу Всеволоду, скончавшемуся в 1093 г., он воздать, таким образом, не мог.

Наши наблюдения точно соответствуют выводам А.А. Шахматова о русском летописании XI в. и опираются на них. Только исходя из версии А.А. Шахматова о создании первого древнейшего летописного свода в Киеве в 1037-1039 гг., можно объяснить отсутствие в «Повести временных лет» похвалы Ярославу Владимировичу; только опираясь на выводы А.А. Шахматова о Никоне-летописце можно объяснить осведомленность летописца о тмутараканских князьях или же понять, почему посмертной похвалы удостоился Изяслав Ярославич и не удостоился его брат Святослав.

Такова *фактическая* история первых летописных похвал русским князьям. Мы замечаем, что похвала отражала симпатии и антипатии летописца,

говорила о его весьма хорошей осведомленности.

Однако, уже тогда – в XI в. – замечаем, как похвала становится литературным памятником, в котором застывают *готовые* выражения и характеристики. К анализу этой – *литературной* – стороны похвалы мы и переходим.

Князь Ярополк Изяславич, княживший во Владимире Волынском, в 1086 г. был предательски убит своим приближенным «проклятым Нерадцем». «Многие беды приял, - говорит о нем летопись, - без вины был изгнан от братьев своих, обидим и разграблен, наконец и смерть горькую приял: но вечной жизни и покою сподобился. Таков был блаженный князь Ярополк кроток, смирен, братолюбив и нищелюбец, десятину давал от всех скот своих святой Богородицы, и от жита нався лета, и молил Бога всегда, глаголя: "Господи Боже мой, Иисусе Христе! Прими молитву мою, и дай же мне смерть таковую, якоже дал братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи все своею кровью, избуду суетного света и сети вражьей"» [3, с. 145].

Трудно сказать, кому принадлежит авторство этой похвалы – Никону, еще жившему в 1086 г., или же его продолжателю. Судя по лексике и синтаксису, ее автором вполне мог быть Никон.

Вернемся к похвалам трем тмутарканским князьям – Мстиславу, Ростиславу и Глебу. Прибавим к ним похвалу Ярополку Волынскому и сравним все четыре похвалы-характеристики.

Отметим, что все они кратки – только характеристика Ярополка более развернута, чем остальные, за счет развития мысли о его насильственной

кончине. Все характеристики отмечают *личные* черты правителей, но первые две – тмутарканских князей Мстислава и Ростислава – характеризуют их как храбрых воинов, а две другие – Глеба и Ярополка – особенно отмечают их религиозные и церковные добродетели. Храбрость Мстислава и Ростислава противопоставлена *кротости* Глеба и *смирению* Ярополка. Щедрость Мстислава к дружине – щедрости Ярополка к церкви.

Таким образом, первые летописные посмертные похвалы русским князьям – это *краткие* их характеристики, которые можно разделить на две группы: характеристики храбрых воинов и характеристики кротких правителей. Их соединения или смешения до конца XI в. не наблюдаем.

В XII в. эти две характеристики соединились, и возникла *развернутая* похвала правителю. В 1172 г., воюя Новгородскую землю, скончался князь Святослав Ростиславич. «Сей же благоверный князь был украшен всякой добродетелью, храбр на рати, и любовь имел ко всем, особенно к милостыне прилежал, и монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святительский чин достойною честью чтит; имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал злата и серебра, но отдавал дружине». Если сравним эту характеристику с предыдущими, то заметим, каким образом в ней развиты элементы последних: выражение «любил дружину повелику, а имения не щадил» в характеристике Мстислава Тмутарканского развернуто в «имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал

злата и серебра, но отдавал его дружине» в характеристике Святослава; краткое «тщание имел к церквам» из похвалы Глеба Святославича было развернуто в длинное перечисление: «монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святиТЕЛЬСКИЙ чин достойною честью чтил» в похвале Святославу. Таким образом, оба элемента похвалы были развиты. Посмертная похвала-характеристика Святослава стала весьма распространенной в киевском летописании и превратилась в застывшую *формулу*.

Другая формула посмертной похвалы была выработана на севере. В 1125 г. «преставился благоверный и великий князь русский Владимир (Мономах – авт.), сын благоверного отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославившийся в победах, от имени его трепетали все страны и по всем землям распространился слух о нем: понеже он всею душой возлюбил Бога. <...>Всех зломыслящих на него дал Бог под руки его, понеже не возносился, не величался, но на Бога возлагал всё, и Бог покорил под ноги его всех врагов; он же, заповедь Божью храня, добро творил врагам своим, отпускал их одаренными. Милостив же был паче меры... и не щадил имения своего, раздавая требующим, и церкви создавал и украшал; чтил же излиха чернеческий чин и поповский, подавая им еже на потребу и принимая от них молитвы» [3, с. 279-280].

В 1212 г. «преставился великий князь Всеволод (Большое Гнездо – авт.), именованный в святом крещении Дмитрий, сын Юрия, благочестивого князя всея Руси, внук Владимира Мономаха, княжив в Суздальской земле

лет 37. Много мужествовав и дерзость имев, на бранях показав, украшен всеми добрыми нравами, злых казня, а доброммысленных милуя... Сего имени трепетали все страны, и по всей земле распространился слух о нем, и всех зломыслящих на него дал Бог под руки его: понеже не возносился, не величался о себе, но на Бога возлагал всю свою надежду, и Бог покорил под ноги его всех врагов его. Многие же церкви создал по волости своей, ибо создал церковь прекрасную на дворе своем святого мученика Дмитрия, и украсил ее дивными иконами и писанием, и принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия... имея присно страх Божий в сердце своем, подавая требующим милостыню, судя суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сирот и насилье творящих; любил же помногу черноризческий и поповский чины» [3, с. 414-415].

Сравнивая эти две характеристики – Владимира Мономаха и Всеволода Большое Гнездо – нетрудно заметить, что написаны они по одинаковому образцу. Этот образец и есть северо-русская *формула* посмертной похвалы правителю. Отметим ее отличия от южной. Первое отличие – частое упоминание *Бога*, близкие к библейским выражения и общий церковный тон, столь контрастирующий со светским тоном южно-киевской похвалы. Второе отличие – *всемирно-исторический* масштаб, в котором восхваляемый правитель предстает центральной, грозной фигурой: от одного его имени «трепетали все страны» и

все враги его были покорны ему. Южная летопись никогда не поднималась до такого масштаба.

Посмотрим на посмертное слово Владимиру Мономаху из Ипатьевской летописи: «Преставился благоверный князь, христоробивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, иже просветил всю Русскую землю, аки солнце лучи испуская; слух о нем прошел по всем странам, наипаче же был страшен поганым, братолюбец и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю» [1, с. 208]. Сравним эту характеристику с характеристикой из Лаврентьевской летописи и увидим, что она: 1) намного короче; 2) в противоположность церковному тону похвалы из Лаврентьевской летописи в ней видны следы народноязыческого сознания: «аки солнце лучи испуская», и полностью отсутствует слово Бог; 3) в противоположность всемирно-историческому масштабу похвалы Лаврентьевской летописи она имеет местный характер: слух о князе «прошел по всем странам», однако, наипаче князь «был страшен поганым» - отметил летописец, локализуя значение деятельности правителя местными интересами; 4) она имеет светский характер и подчеркивает воинские добродетели правителя – «добрый страдалец за Русскую землю».

Приведем другой пример. В похвале скончавшемуся в 1264 г. Даниилу Романовичу, князю галицко-волынского (с 1255 г. – королю) сказано: «Сей же король Данило князь добрый, храбрый и мудрый, создал города многие и церкви поставил и украсил их различными красотами; был братолюбив с братом своим Васильком; сей же Данило был второй после Соломона» [1, с.

570]. В этой похвале также совсем не заметно ни торжественного церковного тона, ни всемирно-исторического масштаба: о правителе, который вел успешные войны, объединил Галицию с Волынью и действительно был известен и страшен окрестным странам, всего лишь сказано, что он был храбр. При этом отмечены действительные черты его правления – интенсивное строительство городов, мирные отношения с братом-соправителем Васильком.

Итак, посмертная похвала правителю – это готовый образец, окончательно принявший свою форму в XII в. Но в этот образец летописец почти всегда вносил *индивидуальные* черты и отличительные особенности правителя. В похвале Глебу Юрьевичу отметил, что «сей князь, к кому крест целовал, тому не преступал и до смерти» [1, с. 384]. Похвалу Ярославу Осмомыслу начал сразу же с указания на его ум и мудрость: «Был же князь мудр и речен языком, и богобоязлив, и честен в землях, и славен полкы...» [1, с. 441-442]. О Всеволоде Большое Гнездо непременно заметил, что он «принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия». Иногда прибегал к сравнению: в 1197 г. скончался Всеволод Святославич, был князь «в роде Ольговичей всех удалее...» [1, с. 467]. О князе Рюрике Ростиславиче отметил, что он «имел любовь ненасытную о зданиях» - конечно, церковных [1, с. 476]. В похвале Юрию Всеволодовичу не забыл упомянуть о том, что сей князь «Новгород второй поставил на Волге в устье Оки» в 1221 г. [3, с. 445]. В 1288 г. скончался волынский князь Владимир Василькович. «Сей же благоверный князь

Владимир возрастом был высок, плечами велик, лицом красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стриг...» [1, с. 605]. Начало похвалы вполне типичное и традиционное, но затем встречаем сугубо *личные* черты - «волосы желты кудрявы, бороду стриг».

Исходя из этого, можно согласиться с мнением исследователя княжеских житий Н.И. Серебрянского: «Древний летописец тоже пользовался стереотипными фразами, но он умел в характеристике каждого князя отметить какую-нибудь оригинальную черту» [4, с. 62].

Новгородские летописи не содержат похвал князьям, что объясняется положением князя в Новгороде, где он был только военным слугою Господина Великого Новгорода. Но в Новгородской первой летописи младшего извода в самом ее начале есть характеристика древних князей: «Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: каковы были древние князи и мужи их, и как боронили Русскую землю, и иные страны покоряли под себя; те князи не сбирали много имения, ни творимых вир, ни продаж не воскладали на людей; но, если была правая вира, а ту, взяв, давали дружине на оружье» [8, с. 103-104].

Видим, как летописец в *прикрытой* форме осуждал алчность княжеских слуг, которые «сбирали много имения» с подвластного населения, тяготили его вирами и продажами. Последний пример о правой вине, которую древние князья отдавали дружине на оружие, новгородский летописец взял из «Повести временных лет». В ней в статье под 996 г. сказано, как епископы и старцы обратились к князю

Владимиру Святославичу: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буде». И сказал Владимир: «Тако буди» [3, с. 124].

Готовая формула похвалы претерпела серьезные испытания в период татарского нашествия. Похвала князю Юрию Всеволодовичу, погибшему в битве с татарами на реке Сити в 1238 г., начинается традиционно: «Был Юрий сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравами...». Далее летописец должен был повторить готовые фразы «имени его трепетали все страны, по всем землям распространился слух о нем», но опустил их – по понятным причинам. Однако, фразу о «всех злоумышляющих» на князя летописец оставил: «всяк зломыслящих на него, безбожных татар отпускал одаренными» [3, с. 445]. Далее пояснено: «прежде прислали послы свои злые те кровопийцы, рекуще: мирись с нами», а Юрий «того не хотяше» и отпустил послов одаренными. В похвалах Владимиру Мономаху и Всеволоду Большое Гнездо «всех зломысляющих» на них «дал Бог под руки» им и врагов их «покорил под ноги» их. Однако, то же самое сказать о Юрии Всеволодовиче, разбитом и убитом татарами, летописец не мог. Поэтому завершил свою похвалу по-другому – почти в житийном стиле: «всякий, держащийся добродетели, не может без многих врагов быть» [3, с. 445].

В период после татарского нашествия похвала претерпевает изменения – на первое место в ней выдвигается теперь не храбрость, не воинственность правителя и не любовь его к дружине, как было ранее, а его забота о

христианах, их *мирная* защита от «безбожных» татар.

Князь Глеб Василькович с 1238 г. сидел на столе в Белоозере, затем, в 1277-1278 гг., был князем в Ростове. В посмертной похвале ему летописец говорит о нем: «Сей князь от юности своей, по нахождении поганых Татар и по пленении от них Русской земли, начал служить им и многих христиан, обижаемых от них, избавил, и печальных утешал, брашно свое и питье нещадно требующим подавал, и многую милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подавал, поминая... яко вода гасит огонь, так и милостыня – грехи; того ради нещадно милостыню требующим подавал и церкви многие создал и украсил иконами и книгами... Услышавши о смерти его, все люди града Ростова стеклись на двор его, великие и малые плачем великим плакали по нем, убогие, яко кормителя, вдовицы и сироты, яко заступника и подателя, бояре же и слуги, яко господина потеряли» [5, с. 76]. В этой похвале служба татарам является положительной чертой правителя, но его главной добродетелью выступает его забота о несчастных христианах, «обижаемых погаными татарами».

В поздних летописях собственно *летописная* похвала заменяется житийной. Она становится весьма пространной: в Степенной книге встречаем похвалу князю Владимиру Святославичу - «Похвалу вкратце», которая, однако, заняла почти полторы страницы [6, с. 131-133]. Начинается она словами: «Сицево житие великого Владимира...», а заканчивается: «...Ему же слава и держава с Отцом и Сыном и Святым Духом, и ныне и присно и во

веки веком. Аминь». В этой многословной похвале мы не найдем ни единой особенности *личности* князя Владимира, ни одной характерной черты его правления.

Другой пример житийной похвалы – похвала князю Александру Невскому, которая была внесена в летопись в XV в. из жития князя [7, с. 164, 171] и представляет собой классический образец житийно-нравоучительного восхваления [8, с. 305]. В этой похвале мы также не найдем ни одной характерной черты князя Александра.

Еще один пример житийной похвалы – похвала Дмитрию Донскому, скончавшемуся в 1389 г. Древний летописец лаконично означил смерть князя: «Преставился христоробивый князь великий Дмитрий Иванович всея Руси» [3, с. 509]. Поздний же летописец не ограничился этим кратким известием и прибавил к нему похвалу князю – в духе житийного канона: был князь «церквям – попечение и украшение, служителям их – кормитель, нищим – питатель, странникам – приятель, больным – посетитель, алчущим – обильное брашно, жаждущим – нескудный напоитель, и всем сущим под властью его – тишина и пристанище небурное» [9, с. 218]. Эта похвала не только не содержит индивидуальных качеств правителя и действительных черт его правления, она – противоречит исторической действительности. «Тишина и пристанище небурное» господствовали в княжение Ивана Калиты и его сыновей, но не внука, в правление которого Московское княжество терзали литовцы, новгородские ушкуйники и в 1382 г. страшно опустошил Тохтамыш.

Другая особенность поздних летописей – исчезновение изменений в готовой формуле похвалы. В Псковской первой летописи есть две помертвые похвалы псковским князьям. Одна из них относится к князю Довмонту (1266-1299): «Сей же князь был не одним храборством показан от Бога, но и боголюбец показался, в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил, и все праздники честно проводил, попов и чернецов кормил, и милостыню давал сиротам и вдовицам» [10, с. 183]. Другая – похвала князю Данилу Александровичу: «Преставился (в 1405 г. – авт.) в Пскове князь Данило Александрович, месяца апреля в 4, на память святого отца Иосифа. Была тогда во Пскове туга и печаль по боголюбивом князе: показался в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил, все праздники честно проводил, чернецов и нищих любил и кормил и милостыню давал сиротам и вдовицам» [10, с. 200].

Нетрудно заметить дословное совпадение в характеристиках князей – Довмонта и Данила. Летописец XVв., восхваляя своего князя, просто переписал характеристику его предшественника из XIII в., заменив в ней только личное имя князя.

Общим образцом для похвалы как князя Довмонта, так и князя Данила послужил источник *агиографического* содержания – позднее житие князя Александра Невского [4, с. 148]. На это обратил внимание еще Н.И. Серебрянский, который сравнил две характеристики – князя Довмонта и князя Александра:

Довмонт	Александр Невский
Сей же князь был не одним храборством показан от Бога, но и боголюбец показался, в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил.	Токмо не единым храборством показан был от Бога, но и боголюбец показался во всем мире, церкви Божия воздвизая, иереев любя и мнишеский чин и нишелюбец [4, с. 148].

Таким образом, похвала князю Довмонта не выдерживает исторической критики – она является подражательным произведением и не содержит ничего оригинального.

Последняя особенность – обезличенность характеристики князя в похвале ему – объединяет многие поздние летописные похвалы. По содержанию своему эти похвалы являются либо житийными, либо испытали на себе сильное влияние житийной литературы.

Наконец, похвала в XVI в. вбирает в себя распространенные тогда легенды, в точности легенды о венце Мономаха и об Августе, кесаре римском. О Владимире Мономахе сказано в Степенной книге: «Его же ради мужества и Греческого царя Константина Мономаха диадему и венец и крест Животворящего Древа прием... и крабицу сердоличную, из нея же веселяшеса иногда Август, Кесарь Римский, и чепь златую Аравийскую злата и иные многие царские почести в дарах прият мужества ради своего и благочестия». Далее летописец пояснил, зачем Владимир Мономах всё это принял: «дабы препроводить славу Греческого царства на Российского царя» [6, с. 188].

В XIV-XV вв. посмертная летописная похвала правителю стала редкостью. Из московских князей ее не удостоился никто, из тверских – только двое, Михаил Ярославич [11, с. 40-41] и

Михаил Александрович [5, с. 144]. Похвалы этим князьям представляют собою смешение светской характеристики с житийной. В XVI в. летописная похвала исчезла, последняя – была воздана Василию III в 1533 г.: преставился «самодержавный великий государь Василий Иванович всея Руси, милостивый, нищелюбивый» [12, с. 16]. Это всё, что осталось от некогда многословной и витиеватой летописной посмертной похвалы правителю.

Подведем итог. Посмертная летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, в XII в. приобрела свой развернутый и законченный вид. Похвала северной суздальской летописи отличается от похвалы киевской и галицко-волынской

летописей своим торжественным церковно-библейским тоном, а также всемирно-историческим масштабом. Похвала отражала симпатии и антипатии летописца, говорила о его осведомленности. В силу исторической обстановки похвала изменялась, на первое место в ней выдвигались отвечающие времени добродетели правителя. Древняя летописная похвала почти всегда содержит индивидуальные качества и отличительные особенности правителя, что повышает ее ценность как исторического источника. В поздних же летописях летописная похвала заменяется житийной, в которой мы не видим индивидуальных черт правителя и особенностей его правления.

Список литературы

1. ПСРЛ. Т. 2. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
2. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
3. ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.
4. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Т. I. М., 1915.
5. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
6. ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
7. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938.
8. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
9. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
10. ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
11. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
12. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009.

POSTHUMOUS CHRONICLE PRAISE OF THE RULER AS A HISTORICAL SOURCE

This article is devoted to the study of such a separate historical and literary genre as the chronicle praise of the ruler. During the XI-XVI centuries, chronicle praise was a very common technique of medieval scribes. Comparing the praises of different Russian Chronicles and different historical periods, the author proves that the chronicle praise of the ruler grew out of a brief posthumous description of him, reflected the chronicler's good knowledge, his likes and dislikes, and in the XII century acquired a ready-made literary form. Early praises (XI-XIII centuries) correctly reflected historical reality, contained individual traits of the ruler, changed depending on historical conditions, which increases their value as a historical source. It was also found out that there were two main forms of praise – southern and northern. The difference between them is that southern praise was secular, while northern praise was ecclesiastical; southern praise was limited to local interests, and northern praise had a world – historical scale. In general, praise can be considered as a separate chronicle of the medieval genre, characterized by special plot and stylistic features.

Keywords: praise, ruler, Prince, chronicler, posthumous characteristic, literary form, A. A. Shakhmatov, Nikon-chronicler, Kiev chronicle, Galician-Volyn chronicle, Tatar invasion.

References

1. PSRL. T. 2. Letopis' po Ipat'evskomu spisku [PSRL. Vol. 2. Chronicle of the Ipat list]. SPb., 1871.
2. Shakhmatov A.A. (1908) Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [Search for the oldest Russian chronicle vaults]. SPb., 1908.
3. PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [PSRL T. 1. Lavrentievskaya Letopis]. SPb., 1897.
4. Serebryanskiy N.I. (1915) Drevne-russkie knyazheskie zhitiya. T. 1 [Ancient Russian princely lives]. Moscow.
5. PSRL. T. 18. Simeonovskaya letopis' [PSRL. Vol. 18. Simeon's chronicle]. Moscow, 2007.
6. PSRL. T. 21. Kniga Stepennaya carskogo rodosloviya. Ch. 1. [The Book of Degrees of the Royal Genealogy]. SPb., 1908.
7. Shakhmatov A.A. (1938) Obozrenie russkih letopisnyh svodov XIV-XVI vv. [Review of Russian chronicle vaults of the XIV-XVI centuries]. M.; L., 1938.
8. PSRL. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior versions]. M.; L., 1950.
9. PSRL. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow chronicle of the end of the XV century]. M.; L., 1949.
10. PSRL. T. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi [Novgorod and Pskov Chronicles]. SPb., 1848.
11. PSRL. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [PSRL. Vol. 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, 2000.
12. PSRL. T. 29. Letopisec nachala carstva carya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [PSRL. Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. Moscow, 2009.

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы - аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Россия, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru